

После того дня я первым делом занялся поиском подходящего рецепта. Обычно я легко схватываю всё на лету, но если блюдо слишком сложное, велик риск всё испортить. Сразу вычеркнул баранину — из неё трудно вывести специфический запах.

Выбрал несколько вариантов и пару раз приготовил дома. В выигрыше остался Мун Сынвон. Он хоть и ворчал подозрительно, мол, с чего это вдруг, но ел за обе щеки. Я изводил его вопросами: не пахнет ли мясо, не переварилась ли лапша? Сынвон даже засомневался: не собираюсь ли я бросить работу прислугой и устроиться куда-нибудь помощником повара.

Хоть Со Джинхёк и обещал оплатить продукты, я изрядно потратился. Но результат того стоил. Я и так откладываю достаточно, а поесть могу и у Ли Джэсока, пока готовлю там. Сэкономить на личных расходах пару недель — не проблема.

День рождения Со Джинхёка наступил быстро. Накануне я суетился: закупал продукты, делал заготовки. В итоге в сам праздничный день проспал. А ведь хотел прийти пораньше.

Несколько раз проверил отражение в зеркале и пулей вылетел из дома. Я направился в элитный жилой комплекс в Чхондамдоне, у моста Ёндон.

В этой вилле всего двадцать квартир. Здесь живут чеболи и знаменитости. Сразу бросилось в глаза отличие от обычных домов: вся территория обнесена высоким забором. Охранник, внимательно следивший за мной, тоже был нетипичным — молодой мужчина.

Я приложил карту, которую Джинхёк дал заранее, и вошёл внутрь. Сегодня воскресенье, но хозяина дома не оказалось. У него возникли дела, хотя мы договаривались встретиться в выходной. Видимо, родня вызвала «показать лицо» в день рождения.

— Из главного дома вызвали, придётся ненадолго съездить.

Вчера он заскочил ко мне, извинился, вручил кофе с пирожным и отдал карту. Сказал, что ключ я смогу вернуть завтра.

Сначала я заволновался: не слишком ли легко он доверяет мне ключи? Но на месте понял — волноваться не о чем. Охрана с газовыми пистолетами патрулировала не только ворота, но и внутренние коридоры.

Да и глупо что-то красть и бежать. Здесь полно охраны, а он и так знает, что я сирота. Некому меня защитить, некуда скрыться. Мой адрес прописан в контракте, Ли Джэсок всегда может его подсказать.

Под подозрительным взглядом охранника я сжал белую пластиковую карту, словно оружие. Огромный холл и фитнес-зал для жильцов притягивали взор. Я миновал пустые общественные зоны и зашёл в лифт.

Перед дверью я перевёл дух. Словно Со Джинхёк уже ждал внутри. Медленно открыл дверь, прошёл по коридору — и замер. Квартира была невероятно огромной.

Я даже не мог прикинуть метраж. Одному тут слишком просторно, но, возможно, это лишь предрассудки бедняка. Я привык считать, что десяти метров вполне хватает для жизни. Богачи же, наверное, спросят: «Разве в десяти метрах можно дышать?»

Гостиную заливал яркий свет ранней осени. Панорамные окна сияли идеальной чистотой.

Оглядываясь по сторонам, я вдруг вспомнил про ванильное мороженое. Оно же тает прямо сейчас!

Я быстро прошёл на кухню и выгрузил пакеты на мраморный остров.

Хвосты лобстеров, моллюски, лингвини, томатная паста, сливки, утиные ножки, томлённые в масле, персики, сахар, мука, банка ванильного мороженого из супермаркета...

И маленький торт.

Я знаю, что большой торт для одного — это проблема. Но в день рождения нельзя прийти с пустыми руками, поэтому я купил крошечный десерт, в который можно воткнуть свечу. Спрятал мороженое в морозилку, торт в холодильник и принялся разбирать продукты.

Мой взгляд упал на тимьян для утки конфи. Открыл крышку, вдохнул — и почувствовал резкий лесной аромат.

Запах Со Джинхёка.

Берёза и тимьян.

В доме повсюду витали его феромоны. О том, что один из них — запах тимьяна, я узнал только из-за готовки. Тимьян часто используют в западной кухне.

Аромат прохладный, а на вкус трава сладкая. Я закинул пару листочков в рот и начал готовить. Не до конца — планировал поставить всё в духовку перед самым его приходом.

Салат на закуску, паста розе с лобстером, утка конфи и персиковый кобблер — вот моё меню на сегодня. Я никогда раньше не слышал про кобблер, но нашёл рецепт, так как Джинхёк часто ел его в Америке.

Закончил с заготовками и тестом для бисквита. Время пролетело незаметно — уже полпятого.

Вымыл руки и взял телефон.

[Когда вы планируете прийти?]

Сверил дату в календаре — вдруг ошибся? Нет, всё верно. Ладони вспотели.

Минут через десять пришёл ответ.

[Буду около шести.]

Я рухнул на стул и потянулся. Тело наконец расслабилось.

От нервов я снова и снова перечитывал рецепт, который и так знал назубок. Когда всё было готово, силы покинули меня. Я закрыл глаза и откинулся на спинку стула.

Осталось только ждать.

Ждать я умею. В кухне, наполненной ароматами масла и сахара, под прохладным воздухом кондиционера — это совсем не трудно.

Что он скажет, когда увидит еду?

Он привык к блюдам от лучших шеф-поваров, так что вряд ли удивится. Но мне хотелось, чтобы ему понравилось. Сынвон и Джэсок хвалили, значит, вышло неплохо. Джинхёк вежливый, он похвалит, даже если будет невкусно, но я всё равно дёргался.

Я вспомнил, что так и не осмотрел квартиру. Пока прятал продукты, было не до того. К нему в спальню я не пойду, а просто поглядеть по сторонам — почему бы и нет? Любопытство взяло верх.

Когда он придёт, я уже не посмею так глазеть. В гостиной, которая сначала показалась пустой, везде виднелись следы его жизни. На столике у дивана лежала раскрытая книга на английском.

Представив, как он здесь сидит, я опустился на диван. Под ногами — мягкий ковёр. Наверняка он читает здесь, попивая чай или кофе.

Я взял книгу и сделал вид, что читаю. Словно ребёнок, который надел отцовский пиджак, не подходящий по размеру.

Я ничего не понял, полистал и положил на место.

В вазе стояли гортензии — возможно, подарок. Я заглянул в комнату для прислуги, в гостевую и ванную. К шести часам я уже топтался у входа.

В горле пересохло, сердце колотилось. Я не сводил глаз с экрана телефона.

В начале седьмого я подумал про пробки. Он ведь сказал «около шести», а не ровно. Но когда время перевалило за половину седьмого, я понял: что-то пошло не так.

Тишина. Время шло.

Позвонить ему я не решился. Перестал караулить у двери, сел за стол и уткнулся лбом в руки. «Подожду ещё немного», — уговаривал я себя. Если возникнут проблемы, он ведь напишет?

Я резко вскинул голову, чувствуя, будто падаю. В голове туман, всё тело затекло.

Видимо, задремал. Сердце бешено колотилось от усталости и резкого пробуждения. Шевельнуться было больно.

За окном — темень. Только на кухне горел яркий свет. От холодного воздуха кондиционера по коже пошли мурашки.

В огромном пустом доме — ни души. Дрожь от усталости сменилась ледяным спокойствием.

Разминая шею, я взял телефон. Десять вечера. Несколько пропущенных. И короткое сообщение.

[Я сильно задерживаюсь, вам лучше сегодня уйти домой. Простите.]

Я медленно перечитал сообщение несколько раз, впитывая каждое слово, и встал.

Повядший салат и разбухшую пасту я вывалил в мусорный пакет. Разобрал морепродукты — панцири отдельно, мясо в мусор. Проверил духовку.

На утке конфи, стоявшей слишком долго, застыл белый жир. Меня чуть не вырвало. Наверное,

её ещё можно разогреть, так что я обмотал её плёнкой и убрал в холодильник.

Хорошо, что не выложил тесто на персики. Разложил всё по контейнерам, собрал остатки продуктов в сумку.

Разве я не знал, что так будет?

Я всегда спокойно принимал неудачи. Когда меня уволили из «Нанта», я просто вышел из кабинета менеджера.

Жизнь никогда не была ко мне добра. Ко мне относились как к обузе, и я к этому привык. Это даже не трагедия, просто небольшое невезение.

Джинхёк не виноват, его вызвали в семью. Глупо злиться на него. То, что я не поздравил его — не конец света.

Вообще-то, я должен был просто отправить СМС. То, что я вообще попал к нему домой — уже удача.

Я взял блокнот и ручку, лежавшие у книги. Глубоко вдохнул и оторвал два листка. На первом расписал ручку, скомкал его и сунул в карман.

Над вторым задумался. Старался писать красиво, чтобы скрыть корявый почерк.

[С днём рождения.

Утку конфи нужно запекать при 200 градусах, пока корочка не станет хрустящей.

Мороженое в морозилке.

Кобблер печётся 35 минут.

Приготовил, потому что слышал, что вам нравится.]

Замялся и добавил внизу:

[Всегда вам благодарен.]

Я всегда буду чувствовать благодарность вместо любви. Так же, как он чувствует ко мне жалость вместо симпатии.

Вымыл посуду, прибрался, взял пакет с мусором. Кухня выглядела так, будто здесь никого и не было. Стараясь ни о чём не думать, я присел у двери обуться.

В этот момент дверь открылась.

Свет от датчика над его головой разлился, словно выплеснутая вода. Я так и замер на корточках, глядя на него. Словно мышь перед змеей — ни звука, ни движения.

На его лице, полном скуки и усталости, отразилось изумление. Дверь захлопнулась с автоматическим щелчком. Мы долго молчали.

Первым заговорил Со Джинхёк.

— Вы ещё не ушли.

— Я... я не собирался оставаться.

Я вскочил, пытаюсь оправдаться. Столько времени торчать в чужом доме — это подозрительно, пусть даже я хотел вручить подарок.

Вряд ли кому-то такое понравится.

— Я случайно уснул и поздно увидел сообщение. Уже уйду.

Я ответил, сжимая в руке пакет с отходами. Какое позорище. Всё, что я могу — это оправдываться.

— Асель-сси.

Я вздрогнул. Сейчас начнёт отчитывать? Понурился, я ждал упрёка.

— Я слишком поздно написал. Верно?

Его тихий голос окутал меня. От облегчения на глаза чуть не навернулись слёзы.

Не знаю. Вроде всё было нормально, но на самом деле — нет. Настроение менялось от одного его слова.

— Нет, всё в порядке.

Хотел ответить непринуждённо, но вышло резковато. Я покосился на него. Он не злился — лишь слабо улыбался, как в нашу первую встречу.

— Вы поели?

— Перекусил, пока готовил. О, господин директор, конфи и кобблер нужно только запечь. Я всё написал в записке, приятного аппетита.

Я старался звучать бодро. Ему и так тяжело, лучше поскорее уйти.

— Хм. И ещё.

В рту пересохло. Я твердил эти слова про себя весь вечер.

— С днём рождения.

Наконец-то я смог сказать это.

Я нацепил улыбку, но в этот момент мой живот предательски и громко заурчал. Лицо вспыхнуло от стыда.

Я сказал, что ел, но на самом деле с утра в рот не взял ничего, кроме куска хлеба. Пробовал еду на вкус, но разве это еда? От нервов я даже не чувствовал голода.

Джинхёк слегка нахмурился.

— Ха-ха... Давно ел... В общем, я пойду.

Сгорая со стыда из-за вранья, я поклонился и шагнул к выходу.

Но он не отошёл. Напротив, он преградил мне путь.

— Заходите.

Он мягко подтолкнул меня за плечо обратно в квартиру.

— Я не из тех, кто отпускает людей голодными.

Опешив, я снова оказался внутри. Он забрал у меня пакет с мусором.

— Это отдайте мне.

— Ой, да не стоит...

Со Джинхёк уверенно зашагал на кухню и вывалил содержимое пакета в какой-то аппарат. Видимо, измельчитель отходов.

<http://bllate.org/book/17249/1731550>